

Культура. — 1998. — 21
Увидеть мир
ее глазами 28 мая с. 12

К 100-летию Марии Кнебель

Начну с такого признания: "Как молодость эгоистична и неблагодарна. Потом только начинаешь осознавать — сколько ты недооценил, порою был несправедлив, как часто не ценил что-то такое важное, что было даровано тебе в жизни". В моей жизни Мария Осиповна Кнебель сыграла колоссальную роль. Я видел ее актрисой на сцене в яркой роли Карпухиной ("Дядюшкин сон"), я видел во МХАТе спектакль "Трудные годы", поставленный ею вместе с Алексеем Дмитриевичем Поповым. С ним она долгие годы работала в ГИТИСе. Во многих учеников именно она за-

шла и студию Михаила Чехова, и Художественный театр, она застала еще основателей, училась у них. Ей было у кого учиться. Она развивала этюдный метод. Мне тогда казалось, что это не очень-то получается. Но эти занятия не были ни начетничеством, ни самоцелью. Не отсюда ли родились импровизации у Анатолия Васильева и многое из того, что пробовал в искусстве Анатолий Эфрос.

У Марии Осиповны были замечательные, всегда радостно-встревоженные глаза, когда она разговаривала с актером, когда пыталась докопаться до сути,

М. Кнебель и А. Попов на уроке в ГИТИСе. Конец 50-х годов

ложила уверенность в своем таланте — это относится и к Анатолию Эфросу, и к Анатолию Васильеву.

Уже непосредственно в работе я столкнулся с Марией Осиповной в ЦДТ, где она после Ольги Ивановны Пыжовой стала главным режиссером. Как актер работал с нею во многих спектаклях. Какой же я был наглец (это сейчас я так думаю), когда репетировали "Горе от ума" (я играл француза из Бордо, потом Молчалина, конечно, был недоволен, что мне не дают Чацкого), еще при разборе за столом возник спор в толковании сцены (и сцена-то не меня касалась), и я, не согласный с режиссером, написал письмо литературоведу Николаю Кирияковичу Пиксанову со своим толкованием. И он мне прислал ответ, где подтвердил мою вроде бы правоту. При полном сборе всех актеров я демонстративно прочитал письмо... Теперь понимаю, что все это ничего не стоило. Может быть, она была права. Театр — не литературоведение.

Я любил ее. И она замечательно ко мне относилась, просто до неудобного. А теперь понимаю, что как педагог она нащупала какие-то кнопки во мне, которые помогли мне раскрыться. У нее был великий педагогический дар.

Когда я пришел во МХАТ, она попросила меня взять на стажировку Анатолия Васильева. Какие она характеристики ему давала! Она следила за своими учениками, вкладывала сердце в своих учеников — и режиссеров, и актеров. Актера она считала главным в театре. Недаром она

что-то подсказывая. Она на практике доказала, что актер не должен замыкаться в себе, а должен уметь раскрывать себя, быть непосредственным, что актер обязан не беречь свою душу, а показывать ее. Сердце не просто стучит, необходимо наполнить его, если ты выходишь на сцену. Я играл не в одном ее спектакле. Самым интересным был "Конек-Горбунук", поставленный Марией Осиповной вместе с Анной Алексеевной Некрасовой, где я играл Ивана. Здесь она добивалась непосредственности, простоты. "Смотри, — говорила она мне, — надо увидеть мир, его красоту, его значимость". Моя примитивная философия с той встречи дополнилась новым содержанием: жизнь есть самая прекрасная вещь, и ты должен ей отплатить. Она сожалела, что я занимаюсь режиссурой. Она считала, что у меня есть все, чтобы быть актером.

С ней было так легко и просто. Не говорю уже о ее поразительном интеллекте. Она была чиста, открыта и доброжелательна, даже сверхдоброжелательна. Я ни разу в жизни не видел ее в не творческом состоянии. Ей не хотелось лгать. Она вовлекала в то прекрасное искусство, которое воспело жизнь человеческого духа.

Мария Осиповна должна занять самое достойное место в истории театра — в педагогике, актерском искусстве, режиссуре. Слава ее не меркнет. Она продолжается в ее учениках. Хорошо бы только, чтобы эти ученики не забывали, чьи они.

Олег ЕФРЕМОВ